

Оксана Панкеева

Цикл
«Хроники странного королевства»

ПЕРЕСЕКАЯ ГРАНИЦЫ
О ПОЛЬЗЕ ПРОКЛЯТИЙ
ПОСПОРИТЬ С СУДЬБОЙ
ЛЮДИ И ПРИЗРАКИ
ШЕПОТ ТЕМНОГО ПРОШЛОГО
РАССМЕШИТЬ БОГОВ
ПУТЬ, ВЫБИРАЮЩИЙ НАС
ПЕСНЯ НА ДВОИХ

РОМАНТИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Оксана Панкеева

Песня на двоих

Фэнтези • Любовный роман • Юмор

Роман

 Москва, 2014
САРМАДА
&
«Издательство АЛЬФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
П16

Серия основана в 2011 году
Выпуск 112

Художник
А. Клепаков

Панкеева О. П.
П16 Песня на двоих: Роман. — М.: «Издательство АЛЬ-
ФА-КНИГА», 2014. — 438 с.: ил. — (Романтическая
фантастика).

ISBN 978-5-9922-1781-0

Когда два кавалера добиваются любви дамы — это выглядит красиво только в романах. На деле же такая ситуация не доставляет даме никакой радости, одни проблемы и огорчения. А если кавалеры к тому же горячие мистральицы, да если еще выясняется, что их смертельная вражда началась много лет назад и вовсе не женщина была тому причиной...

Когда битва идет за любовь, женщина еще может сказать свое слово. Но когда речь идет о чести — компромисс невозможен.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Панкеева О. П., 2007
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2014
ISBN 978-5-9922-1781-0

ГЛАВА 1

Город трудился и не подозревал, что Колобок уже включился в поиск. А если он включался, выключить его не мог уже никто.

Э. Успенский

Квартира Ольги и прежде напоминала проходной двор, а теперь, когда круг знакомств девушки стал еще шире, к ней чуть ли не каждый вечер кто-нибудь забредал. Развеселые близнецы, тоскующий по родине Гарри или Зинь, которая перебралась в одну из верхних комнат, когда у Ольги появился кавалер, а у нее самой— собственный постоянный заработок. Обычно Ольга рада была видеть как старых друзей, так и новых, но иногда их визиты были неуместны до такой степени, что появлялось желание сказать об этом прямо.

Как раз в этот вечер она предпочла бы обойтись без гостей. Все, что касалось пошлого «любовного треугольника», возникшего с неожиданным появлением Диего, она предпочла бы не обсуждать вообще или хотя бы не выносить разговоры за пределы этого треугольника. А именно сегодня ситуация сложилась особенно некрасивая. Конечно, Ольга не надеялась, что два мистральца, влюбленных в одну и ту же девушку, поведут себя благородно и станут друзьями, но все же ожидала от обоих хотя бы минимальной терпимости. Так нет же! Диего и Артуро невзлюбили друг друга с первого взгляда. Несколько дней они ограничивались высказы-

ваниями друг о друге за глаза, а сегодня, стоило лишь посадить их рядом, взаимная неприязнь обрела материальное выражение. Мало того что эти мистральийские бойцовые петухи за пять минут умудрились наговорить друг другу гадостей и подраться,—гораздо хуже, что все шишки достались именно тому, за кого она в данный момент беспокоилась больше. Нет, конечно, она не хотела ничего плохого ни одному из достойных кавалеров. Каждый из них был хорош по-своему, каждого она уважала и каждому сочувствовала. Но получилось так, что именно Артуро сегодня пострадал со всех сторон. В глаз получил, извиняться заставили, да еще и в профессиональном смысле такое унижение! Наверное, маэстро действительно его активно не любит. Иначе чем объяснить тот факт, что для Артуро не нашлось даже самой завалященькой роли, в то время как Диего, непрофессионал с большой головой, с ходу получил довольно значительную? Пусть этот орк-шаман — персонаж отрицательный, но роль есть роль, какая бы она ни была. Диего выглядел так, будто у него сейчас крышу сорвет от неожиданного счастья. А вот как перенес такой удар Артуро, лучше и не представлять. Пусть маэстро и прав, утверждая, что «парень элементарно не знает, куда девать руки, когда в них нет инструмента». Пусть застенчивый маэстро Тарьен, которого взяли на главную роль, лучше умеет и двигаться, и говорить при равных вокальных данных (кто бы мог подумать, что этот тихий парнишка может так громко петь!). Но ведь Артуро не полная бездарь! По крайней мере, голос-то у него есть, и поет он не хуже! Ведь свободные роли еще остались! Зачем было так грубо и безжалостно заявлять в глаза, что ему нечего делать в театре?!

Теперь Ольге было ужасно неудобно перед Артуро, она чувствовала себя виноватой и пыталась как-нибудь утешить беднягу. Однако для утешения Артуро она вовсе не намеревалась в чем-то упрекать Диего, а

обиженный возлюбленный так и норовил повесить на соперника всех собак. Разговор получался крайне неприятный, и присутствие при нем гостей только усугубило бы ситуацию. Но, как назло, гости все-таки явились. И не какие попало, а лично его величество с обоими своими кузенами! Угораздило же Ольгу дать когда-то Мафею ориентиры новой квартиры! Нет, она, конечно, всегда была рада видеть короля, но как раз сегодня его визит оказался несколько некстати. Сейчас его величество как расспросит обо всем да как изволит высказать свое видение ситуации... Зная его взгляды на жизнь, можно не сомневаться, что беднягу Артуру ждет еще одно унижительное поучение. Как будто с него не достаточно хотя бы на сегодня!

— Мы не помешали вашему уединению? — поинтересовался король, словно всерьез предполагал какие-то возражения. — Извини, я думал, что ты одна. Кажется, дон Артуро в этот час должен быть на работе.

— Заболел? — сочувственно предположил Элмар, созерцая несчастного прогульщика, полулежащего в кресле с компрессами на лице.

— Раз уж так вышло, — продолжал король, — представь нас. Кажется, только я еще не имел чести лично познакомиться с твоим новым избранником, и это досадное упущение давно следовало исправить.

— Ой, конечно же... — спохватилась Ольга. — Я бы сразу, но я ж не знала, захотите ли вы представляться... Артуро, познакомься с его величеством...

Если бы в этот момент кто-то плеснул хворающему маэстро кипятку за шиворот, скорость, с которой тот сорвался с кресла, все же была бы меньшей. Взаимные расшаркивания и уверения в несказанной радости от знакомства прервал бестактный вопрос простодушного варвара, увидевшего грандиозный синяк, до этого момента скрытый компрессом.

— Ух ты! Где это ты так?

Артуру слегка замялся, а догадливый король чуть усмехнулся и вежливо предположил:

— Дай-ка я попробую угадать. Ты додумалась оставить их с Кантором наедине?

— Какое там наедине! — вздохнула Ольга.— При куче народу!

— На кой тебе понадобилось ссориться с Кантором? — так же простодушно спросил Элмар.— Ты что, сразу не мог сообразить, чем это кончится? Сам не видел, что у тебя никаких шансов и что он тебя сделает за один удар?

Артуру горько усмехнулся, опускаясь в кресло.

— Разумеется, я все это видел и не стал бы заводить ся. Но и он тоже прекрасно сознает свои преимущества, чем не погнушался воспользоваться.

— Вот не надо опять делать из него виноватого! — вмешалась Ольга.— Ты его оскорбил, и это слышали.

— Однако почему-то никто не поинтересовался, что сказал мне он. Или ты тоже думаешь, что я ему нахамил без причины, ни с того ни с сего? Я всего лишь хотел завести разговор. Познакомиться, поговорить по-человечески. А он стал надо мной насмехаться. Что, я должен был молча утираться и терпеть его издевки? Так, слово за слово...

— ...Обмен шпильками постепенно перешел в более грубую форму,— подхватил король,— и, сами того не ведая, вы зацепили какую-то из болевых точек оппонента. Насколько мне известно, их у Кантора три. Обидеть кого-либо из дорогих ему людей вы никак не могли, так как никого, кроме Ольги, не знаете, а она дорога и вам. Остальные две общеизвестны и являются вопросом чести для любого мистралийца. Для вас в том числе, хотя вы и провели много лет вдали от родины. Следовательно, прохаживаясь на сексуальные темы, вы не могли не понимать, какое оскорбление наносите себе-

седнику и как он на это отреагирует. Ведь поединок с целью доказать свою правоту не входил в ваши планы?

— В мои планы вообще не входило с ним ссориться. Он перешел на оскорбления первым. Никогда не понимал эту дурацкую традицию драться за каждое слово, сколько себя помню, она меня возмущала. Кто сильнее, тот всегда прав. Ему, получается, можно оскорблять, клеветать, говорить в глаза гадости, а едва только я посмел на это ответить — получил по морде, и меня же еще извиняться заставили.

— Что ж, в другой раз правильно рассчитывайте силы, — сочувственно посоветовал король. — Если вам столь противно примитивное рукоприкладство, следовало высказываться тоньше. Или же оборвать ваш обмен шпильками прежде, чем дошло до откровенных оскорблений. Я понимаю, не имея возможности достойно подраться, вы хотели хотя бы в словесном поединке доказать свое превосходство, но надо чувствовать границы. К тому же, насколько я знаю Кантора, язык у него острее ножа, и у вас все равно не было шансов переспорить этого скандалиста.

«Пожалуй, даже хорошо, что его величество сегодня зашел, — подумала Ольга, слушая эти в высшей степени разумные рассуждения. — У меня бы не получилось так складно объяснить Артуру, в чем он был неправ».

Потерпевший безнадежно развел руками.

— Да я это все понимаю... И все вы правильно говорите... Но — не сдержался. Вспылил. Завелся. Я ведь тоже мистралиец... Как обидно и противно, что правота определяется лишь с точки зрения силы!

Возможно, его величество привел бы еще какое-нибудь поучительное рассуждение, но тут черти дернули за язык Элмара, который до сих пор молча слушал и недовольно морщился.

— Я сильнее Кантора, — вдруг громко и довольно резко заявил он. — Стоит ему один раз не успеть вернуться от моего кулака, и он неделю не встанет, если

вообще жив останется. Если же выставить его против меня с мечом в руках, то у него и вовсе не будет ни малейшего шанса. Но если бы вдруг мы поссорились и я сказал ему что-то обидное, если бы для него встал вопрос — драться со мной или молча снести оскорбление... Он не стал бы рассуждать о несправедливости жизни и требовать особого подхода к своей персоне. Он бы просто дрался. Со мной. Невзирая на то что у него нет шансов.

— Так уж и нет,— проворчала Ольга, но только для того, чтобы хоть что-то возразить.

Элмар в своем репертуаре — наглядно и доступно... Вот только с тактичностью сегодня не получилось.

Король отвлекся от набивания трубки и заметил:

— Не имеет значения, пример все равно был исключительно теоретическим. Элмар лишь хотел обратить наше внимание на такой нюанс, как сила духа. Это тоже играет свою роль, хотя и не всегда может компенсировать недостаток силы телесной.

— Так что, вы хотите сказать, что я должен был драться?

Элмар холодно пожал плечами.

— Это твое дело, и только твое. Ни ты, ни Кантор, ни я никому ничего не должны в таком вопросе. Только себе.

— Воины всегда трепетно относятся к вопросам чести,— опять заметил король сквозь зажатую в зубах трубку.— Жизнь за нее положить готовы. Но я все же предпочитаю разум, здравый смысл и дипломатию. Что скажут маги?

Мафей нахмурился и изрек:

— Я всегда говорил, что не надо откладывать боевую магию до совершеннолетия. Все равно начинать драться приходится раньше. А этого мертвого гада я все равно найду и убью.

Высказался, называется. Кому что, а лысому бантик...

— Достойная цель в жизни — лучший стимул к развитию и совершенствованию,— прокомментировал Шеллар III и с любопытством уставился на расстроенного и подавленного барда.— Вот у вас, маэстро, есть какая-нибудь великая цель?

— У любого барда есть такая цель,— помрачнел Артуро.— Я в этом неоригинален.

— То есть успех? Признание публики, слава, материальное благосостояние, цветы, аплодисменты?

— Примерно так. А другой цели у барда быть не может. Бескорыстное творчество не может быть целью, оно и так общедоступно. И даже у такого творчества, если покопаться, конечной целью все равно окажется признание. Каждый бард глубоко в сердце своем жаждет, чтобы как можно больше людей разделили те чувства, те движения души, тот трепет вдохновения, которые он вложил в песню, картину, стихи. И я тоже хочу, чтобы меня слушали.

— Да-а,— сочувственно протянул король.— Трудно добиться признания, скитаясь по чужим краям, тут вам, конечно, не повезло. А у вас не возникало желания вернуться на родину? Там теперь спокойно, репрессий можно не опасаться, а публика может оказаться более благосклонной...

— Но ведь Ольга со мной не поедет,— тоскливо вздохнул Артуро.

— Это верно, такой шаг был бы крайне неразумным с ее стороны. А если б она была не против, вы бы поехали?

— Пожалуй, все равно не поехал бы. На что я могу рассчитывать в Мистралии, когда убийца моего отца стоит у трона и дает советы королю...

— Это который?..— Его величество наморщил лоб, словно что-то пытался вспомнить.— Ах, вы имеете в виду первого советника? Ну, тут, конечно, ваш покойный родитель вам здорово подгадил, ничего не поделаешь. Никто не спорит, что охотиться за этим господи-

ном требовалось по долгу службы, но зачем же было вешать его беременную жену? Это уже явное излишество, такие поступки портят репутацию и вызывают негативное отношение даже у людей нейтральных. А политическое противостояние превращается в личную вражду. Да, сглумил ваш покойный батюшка с этим делом, здорово сглумил. Некрасиво, непрофессионально и недостойно, я бы сказал.

Почему-то Артуро не стал возражать и объяснять, что после свержения Лиги Закона и Порядка их семью безнаказанно поливают все кому не лень. Наверное, постеснялся королю перечить. Поэтому Ольга поспешила высказаться сама:

— Ваше величество, да разве это правда?

Король неожиданно шустро развернулся в кресле и одарил сомневающуюся подданную своим фирменным острым взглядом в упор.

— Ольга, а с чего ты вдруг решила, что это неправда? Я похож на придворных дам, собирающих сплетни от нечего делать? Все, что касается подобных вопросов, я в свое время обязан был знать как заместитель главы департамента. Если не веришь, могу показать документальные свидетельства. Впрочем, какая тебе разница? Насколько я могу судить, маэстро ничуть не похож на покойного отца. Он абсолютно другой человек, и не следует проводить между ними какие-то параллели. И совершенно напрасно он так расстраивается. Неужели ты станешь думать о нем хуже только из-за неподобающих родственников, давно покойных к тому же?

Ольга не ответила. Она ждала, пока Артуро скажет хоть что-нибудь. Объяснит как-нибудь, где тут правда, в конце концов. Наедине с Ольгой он был очень убедителен, а королю почему-то возражать не решается. Скорее всего потому, что его величество действительно знает точно и, начни с ним спорить — и документы принесет, и еще парочку неприглядных историй припомнит. Точно так же обыденно, как будто речь идет о

мелком служебном проступке, попеняет, что пить кровь младенцев некрасиво и непрофессионально. А потом с повышенным дружелюбием добавит, что лично собеседника это все не касается...

Артуро горестно вздохнул и поежился, словно от холода.

— Я никогда не знал точно, правда это или нет. Но хотелось верить, что все-таки нет. Так легче было жить. Слышать жестокую правду всегда больно, с какими бы благими намерениями они ни была сказана.

— Жить иллюзиями глупо,— поморщился король.— Еще глупее — создавать их себе. Давайте оставим неприятную для вас тему. Кажется, до того как речь зашла о Мистралии, мы обсуждали нечто более возвышенное. Ах да, что такое счастье барда и как его достигнуть.

— Ой, ваше величество,— спохватилась Ольга,— эта тема тоже не очень... В смысле достижения... У Артуро сегодня был неудачный день во всех отношениях, и в этом тоже. Маэстро Карлос обошелся с ним очень неплохо...

— Он нарочно это сделал! — не сдержался обиженный бард.— Он меня ненавидит и не упускает возможности втоптать в грязь!

— Да не преувеличивай!

— Я тебе говорю, он нарочно пригласил меня на прослушивание, чтобы поиздеваться! А брать меня на работу у него и в мыслях не было! И Кантора он взял тоже нарочно, чтобы сильнее меня унижить! Для чего еще ему могла понадобиться такая бездарность?

— Делать больше нечего маэстро Карлосу,— рассердилась Ольга.— Ночами не спит, об одном думает — как бы тебя посильнее унижить! А бездарность он бы не взял ни по благу, ни из личных симпатий, не говоря уж о мифическом унижении маэстро Артуро! Не выдумывай! Просто день сегодня такой нескладный.

— Кантор отнюдь не бездарность,— вежливо заметил король.— С чего вы взяли?

— Извините, но вы-то откуда знаете? — не удержался Артуро и тут же получил подробное обоснование.

Его величество немедленно поведал присутствующим несколько историй о темном прошлом товарища Кантора и о чудесах маскировки, которыми тот прославился. Из рассказов его величества следовало, что Кантор неоднократно переодевался в самых разнообразных представителей мистралийского общества и в каждой роли был настолько убедителен, что его истинное лицо обнаруживалось только после очередного трупa. По мнению его величества, вся эта уголовщина свидетельствовала о выдающихся актерских способностях. По мнению Артуро — о подлости и низости Кантора, который бессовестно попрекал его папиным прошлым, хотя у самого руки в крови по локоть. Шеллар III с истинно дипломатическим тактом заключил, что одно другому не мешает, и быстро перевел разговор на другую тему. Наверное, тоже заметил, что еще чуть-чуть — и Элмар опять выскажется.

— А поведайте нам, маэстро,— поинтересовался король,— как случилось, что вы оказались в сундуке торговца древностями в столь плачевном и достойном сочувствия виде?

Артуро честно повторил историю о своей несчастной любви, но его величество, разумеется, не удовлетворился таким кратким изложением. Ох, не зря Диего так психовал всякий раз, как Шеллар изъявлял желание с ним побеседовать! Таки умеет его величество утомить собеседника.

Он немедленно заинтересовался личностью злодея, попутно разъясняя потерпевшему юридическую сторону дела и подсчитывая примерный размер компенсации, которую можно стясти с зарвавшегося мага, если подать на него в суд.

— Нет-нет...— окончательно ступевался несчастный потерпевший.— Я не могу, вы же понимаете, речь идет о даме... А насчет компенсации мы с мэтром давно договорились полюбовно. Конечно, она получилась намного меньше, чем вы упомянули, но мне хватило, чтобы обосноваться в Даэн-Риссе, купить новый инструмент, одежду, кое-какие нужные в хозяйстве вещи... И я больше не хочу возвращаться к этой истории. Все давно в прошлом. У меня новая жизнь, новые друзья и самая лучшая в мире девушка.

— А в отдаленном будущем, вероятно, собственный дом и пара симпатичных детишек? — хитро подмигнул король.

— Если мне удастся уговорить Ольгу...— Артуро вдруг застеснялся, как девица на выданье.— Она почему-то решительно не желает...

— Ничего, созреет,— беззаботно улыбаясь, махнул рукой его величество.— Вам ведь тоже потребуется некоторое время, чтобы оформить развод...

Прежде чем Ольга успела переварить услышанное и заподозрить возлюбленного в коварной лжи, Артуро как ни в чем не бывало разъяснил ситуацию:

— Да я давным-давно разведен, и моя бывшая жена уже второй раз замужем.

— Да, но разве вы не утери́ли документы? Если вам даже инструмент пришлось покупать новый, вряд ли они уцелели. Восстановление тоже займет уйму времени и будет стоить хлопот и денег.

— Вот об этом я не подумал...— огорчился мистралиец.— А документ действительно будет нужен?

— Разумеется. Если бы о вашем первом браке никто не знал, возможно, его удалось бы просто скрыть. Но поскольку этот факт общеизвестен, документ придется восстановить. Самым простым способом было бы обратиться к вашей бывшей супруге, у нее наверняка есть копия.

— К сожалению, мы разошлись не слишком мирно,— помявшись, признался Артуро.— Моя незабвенная Росита даже не пустит меня на порог, не говоря уж о том, чтобы как-то помочь. Да и ее муж недвусмысленно угрожал пришпилить меня к ближайшему забору, если посмею появиться ему на глаза. Уж не знаю, что она ему наплела...

— Еще один способ,— ничуть не смутился король,— попытаться отыскать оригиналы. Возможно, вы не смогли как следует проследить судьбу своего имущества из-за стесненности в средствах. Если за дело возьмутся представители закона или воры-профессионалы, что-то может и проясниться. Мне ничего не стоит отрядить нескольких людей вам в помощь. Более того, мне всегда приятно оказать услугу Ольге. Скажите только, по какому адресу вы обитали и где следует начинать поиски.

Маэстро поломался для приличия и все-таки сообщил искомый адрес. Название города мало о чем говорило Ольге. Кажется, это в одной из восточных провинций, но точно утверждать она бы не взялась.

Почувствовав себя обязанным, Артуро вдруг вспомнил, что гостям до сих пор не предложили даже чаю. Ольга спохватилась и кинулась на кухню. Его величество запротестовал, уверяя, что никакого чаю гости не хотят, тем более если ради чашки чаю им придется лишиться общества Ольги, и вообще они ненадолго и скоро уходят. Артуро, зараза такая, под это дело опять поднял вопрос о прислуге...

Словом, настроение Ольге они общими усилиями испортили, и после ухода гостей они с Артуро впервые поругались. До выкидывания чемоданов с балкона, к счастью, не дошло, но осадок на душе остался пренеприятнейший.

Что же касается его величества, то он вернулся домой в отличном расположении духа и первым делом заявил, довольно ухмыляясь при этом:

— Ну что, дорогой кузен? Ты все еще не можешь понять, отчего маэстро Артуро так неприятен твоей нимфе?

— Чего я действительно никогда не мог понять,— сердито буркнул принц-бастард,— так это твоих дипломатических уловок. Каким коварством надо обладать, чтобы под видом сочувствия и расположения обосрать человека с головы до ног и показать всем сомневающимся, что он трус и обманщик!

— Ты лучше руки иди помой,— ехидно посоветовал король.— Если они у Кантора по локоть в крови, то тебе, пожалуй, целиком искупаться надо...

— Перестань насмехаться! — огрызнулся Элмар.— Все я понял, и нечего потешаться над моей доверчивостью! Если мы с Мафеем тебе больше не нужны, то я хотел попросить его отправить меня в Ольгину старую квартиру. Хочу повидать Диего. Пообщаться с нормальным человеком после всей сегодняшней грязи.

— Погоди,— засмеялся Шеллар.— Сейчас я еще выслушаю Мафея, и отправимся все вместе. Мафей, я весь внимание.

Юный принц, успевший уже пристроиться на спинке ближайшего кресла, задумчиво взъерошил свою серебристую копну и неуверенно изрек:

— Ты понимаешь... Какая-то ерунда получается. Обычно я, как и все эльфы, могу почуять, когда меня обманывают. А все, что говорит Артуро, кажется правдой. Когда ты начинаешь разъяснять и логически составлять все по местам, только тогда я начинаю разумом понимать, что так не может быть, значит, человек врет. А эмоционально все равно воспринимается как будто правда.

— А магически?

— А что — магически, я же не эмпат и не менталист... Может, лучше бы его специалист послушал? Орландо, например, или метресса Джоана? Я-то не очень в этом разбираюсь, я только на чутье могу. А чутье у меня сбивается. Мне все время хочется ему верить.

— Почему? Какие могут быть причины? Подавляющее обаяние? Амулет? Заклинание? Эмпатия?

— Скорее всего, амулет или заклинание. На нем что-то есть, но не по моей специальности, поэтому я точно определить не могу.

— Хм... Давай попробуем определить, насколько сильно влияет этот магический фактор на восприятие слушателей. Я, например, ни минуты не сомневался, что маэстро Артуро безбожно врет. Когда речь шла о его покойном отце и о проблеме развода, я заранее обладал информацией, и заставить меня поверить в противоположное было бы затруднительно. Никакая магия не заставит меня поверить во что-либо противоречащее логике и фактам. Но в романтическую историю с ревнивым магом я тоже не поверил, хотя никаких сведений, опровергающих эту историю, у меня нет. Следовательно, на меня этот фактор не действует.

— Пересмотри свои амулеты,— усмехнулся Мафей.— На тебе их целая связка, и ты сам точно не знаешь, который от чего. Скорее всего, какой-то из них и нейтрализует этот самый фактор.

— Возможно. Теперь рассмотрим тонкие чувства кузена Элмара. Вот скажи мне, кузен. До сих пор ты простодушно верил всему, что совал тебе за уши Ольгин кавалер. Как изменились твои впечатления сегодня?

— Произносить возвышенные речи, с которыми я не согласен, не лучший способ завоевать мое доверие,— проворчал Элмар.— Я увидел, что парень — трус. Что он даже не стыдится своей трусости, а находит ей этические обоснования, причем довольно шаткие. Конечно, пользоваться своим превосходством в драке для того, чтобы безнаказанно унижать слабого, бесчестно.

Но пользоваться своей слабостью, чтобы безнаказанно унижать сильных,— равно бесчестно. Правильно сделал Кантор, что дал ему в рыло. Вот, кстати, еще и это. То самое, о чем говорил ты. Я хорошо знаю Диго. Я знаю, какой он, на что способен, какие у него есть достоинства и недостатки. Как ты выразился, заранее обладая информацией. Когда Артуро начал говорить о нем всевозможные гадости, я не поверил. Потому что знаю, какой Кантор на самом деле.

— Вот именно. Кстати, если ты заметил, и Ольга не поверила. Значит, магический фактор не настолько силен, чтобы заставить слушателя слепо верить в слова, отвергая очевидное. Это первое, и как раз поэтому ни ты, ни Ольга не изменили своего мнения о Канторе. Далее. Если слушатель сталкивается с чем-либо, что противоречит его убеждениям, загадочный фактор тоже не в силах заставить его поменять убеждения и согласиться. Это второе, и сюда как раз относится реакция Ольги на вопрос о прислуге. Пока Артуро сует ей фиалки о своем сомнительном прошлом и толкует о возвышенном, Ольга с ним во всем соглашается. Но едва заходит речь о необходимости нанять служанку, следует активное и даже агрессивное сопротивление, так как у нашей подруги имеется противоположное мнение на этот счет. Возможно, есть еще некоторые моменты, но сегодня я их не успел заметить. В целом все замечательно и восхитительно. Я доволен результатами. Адресок мы из маэстро выдавили, завтра я зашлю туда своих людей, чтобы поискали, кому из местных магов он насолил и чем именно. Да и дело Долгоносика надо будет еще раз поднять...

— Какого Долгоносика?

— А, ты не в курсе... Тот самый вор, который сдал почтенному Цыню эту зверюшку, весьма подозрительным образом скончался как раз тогда, когда Флавиус хотел пообщаться с ним на эту тему. Семья Шэ тут ни при чем, Цынь не стал бы так жестоко мстить постав-

щипку за столь незначительную ошибку. Остается выяснить, имело ли место случайное совпадение или же «полюбовный» договор Артуро с неизвестным нам мэтром дороже всех обошелся Долгоносику.

— То есть ты думаешь, что Артуро еще и доложился, кто его украл? — догадался Мафей.— А разве он это знал? Я имею в виду, мог он воспринимать окружающую действительность, когда был зверюшкой?

— Это я у тебя хотел спросить.

— А я не знаю. Даже не слышал о таких трансформациях и могу только гадать, в какой школе это вообще возможно. Ты лучше его самого спроси.

— Чтобы он мне в очередной раз соврал? Лучше я спрошу магов постарше. Пока что мы имеем два варианта. Либо старый матерый мэтр, способный создавать собственные заклинания, либо неопытный ученик, не всегда знающий, что у него получится. Уже какие-то ориентиры имеются. Словом, все идет хорошо. А теперь можно и Кантора навестить. Кстати, Элмар, если тебе доведется общаться с Кантором без нас, не забывай, пожалуйста, что ему пить нельзя.

— Не маленький,— проворчал принц-бастард и придвинулся поближе к кузенам, чтобы вместиться в телепорт.

Кантор валялся на кровати, безучастно уставившись в потолок, и меньше всего был похож на счастливого победителя. Выражение лица наводило на подозрения, что мистралиец как раз пытается высчитать грузоподъемность крюка от люстры.

— Вот те раз! — бодро воскликнул Шеллар, быстро окидывая взглядом комнату в поисках каких-либо фактов для размышления.— Что случилось? Мы пришли тебя поздравить, а у тебя такой вид, будто ты только что похоронил сразу дюжину любимых родственников.

— И откуда вы все знаете...— не особенно приветливо отозвался Кантор, поднимаясь, чтобы поздороваться.— Кто вам уже успел доложить?

— Мы только что были у Ольги,— пояснил Мафей, занимая давно облюбованную спинку стула.

Кантор помрачнел еще сильнее.

— Представляю, чего вы там наслушались...

— Хо! — злорадно ухмыльнулся мальчишка.— Это ерунда по сравнению с тем, чего наслушался твой соперник!

— Вы что, с ним поскандалили? — недоуменно приостановился Кантор.— Но зачем? Ольга наверняка на вас обиделась...

— Неужели ты так плохо меня знаешь! — укоризненно отозвался король, заглянув между делом в лежащие на столе исписанные листы.— Напротив, я ему посочувствовал. Проявил дружеское участие. Дал несколько полезных советов. Пообещал помощь. Словом, выказал всяческое расположение. Но при этом Элмар полностью потерял уважение к маэстро Артуру, Мафей прощупал его магически и сделал несколько полезных наблюдений, Ольга задумалась над некоторыми вопросами, на которые до сих пор не обращала внимания, а сам маэстро чувствует себя так, будто его окунули носом в отхожее место, и не может понять отчего.

Почему-то Кантор ничуть не утешился, а только еще больше приуныл.

— Ну хоть вы мне на мозги не капайте, а? Я и сам понимаю, что не следовало его бить. И не надо мне это объяснять такими заковырыстыми иносказаниями. Без них тошно.

— Да, бить действительно не стоило,— согласился Шеллар, оглядываясь, словно что-то искал.— Я догадываюсь, что Артуру тебе сказал и почему ты не сдержался. Но все же тебе надо научиться контролировать

себя в таких ситуациях. Послушай, Кантор, у тебя что, дрова кончились? Почему в комнате такая холодина?

— Я забыл...— неохотно отозвался мистралиец.— Есть дрова. Сейчас принесу. Чай будете?

— Вот что,— сказал вдруг король, в который раз оглянувшись.— Пусть Элмар принесет дров и затопит камин, а мы с тобой уединимся на кухне и займемся чаем. Мне нужно сказать тебе пару слов. С глазу на глаз.

Кантор молча кивнул, всем своим видом выражая покорность судьбе и полное безразличие к ее дальнейшим ударам. Похоже было, что мистралиец немного не в себе. Раньше за ним как-то не водилось склонности валяться в сапогах на кровати и забывать о таких простых и насущных вещах, как отопление.

Войдя вслед за унылым товарищем в кухню, король в последний раз оглянулся на коридор, плотно закрыл за собой дверь и негромко произнес:

— А теперь я скажу тебе несколько очень обидных и неприятных слов. Для твоего же блага, кстати, так что тебе придется как-нибудь стерпеть и удержаться от истерики. Положи полено. Полено положи, говорю. Потом растопишь. Сядь за стол. Положи руки перед собой. А теперь слушай и не перебивай.

Король отошел от двери, переместился в угол, противоположный тому, где сидел Кантор, и продолжил:

— Однажды тебе случилось пережить худшее из возможных для мистралийца унижений. Не дергайся. Об этом известно очень ограниченному кругу людей, и никто из этих людей не опустится до того, чтобы делиться своими познаниями с кем-то посторонним. Твоей тайне ничто не угрожает, кроме тебя самого. Понимаешь ли ты, что, теряя разум из-за каждого оскорбления на эту тему, ты невольно привлекаешь внимание к проблеме? Тебе не приходит в голову, что на столь традиционные оскорбления люди обычно обижаются, требуют взять слова обратно, вызывают на дуэль, но не

превращаются в одуревшее животное! Стоит тебе услышать несколько конкретных слов, и ты полностью теряешь контроль над собой. Любой мыслящий человек, заметив эту закономерность, сделает вывод: раз ты так болезненно реагируешь, значит, у тебя с этим делом и впрямь что-то не в порядке. А если это узнает враг, он с удовольствием будет при каждом удобном случае бить тебя по больному месту. Ты этого не понимаешь?

— Понимаю...— выдохнул Кантор сквозь стиснутые зубы.

— Так какого же ты, мать твою, продолжаешь тупо наступать на одни и те же грабли и каждый раз впадаешь в истерику? Только не рассказывай, что не можешь сдержаться и твоя ярость сильнее тебя. Я отлично знаю, что можешь.

— Но полено на всякий случай отобрал, — зло процедил Кантор.

— Я учитываю все варианты, — ничуть не смутился предусмотрительный король. — Однако прекрасно помню, что меня ты в аналогичной ситуации не ударил. Значит, можешь себя контролировать, когда захочешь.

— Так вы мне и не сказали ничего... в той ситуации.

— Еще скажи, что ты на меня не обиделся. Ведь убить был готов, но все же сдержался. Если тебе нужно, ты вполне способен не сходить с ума. Срываешься ты только потому, что сам это себе позволяешь. Ты мог бы взять себя в руки, придавить и держать, но ты отпускаешь. А потом валяешься на кровати в глубокой депрессии и с ужасом представляешь, что будет, если Ольга, желая избежать инцидентов в будущем, объяснит своему Артуру, как нельзя с тобой обращаться и ПОЧЕМУ.

— Она ему сказала? — обреченно уточнил Кантор.

— Нет. И я принял все возможные меры, чтобы у них об этом даже речь не зашла. Но ты все-таки постарайся не повторять подобных глупостей. Просто смеш-

но, честное слово. Любой удар держишь не дрогнув, а пара нужных слов размазывает тебя всмятку.

— Давайте на этом закончим нравоучение.— Мистралиец нервно передернулся и начал медленно подниматься из-за стола.— А то я все-таки наверну вас поленом. Не из «слепой ярости», а так, для вашего же блага. Чтобы меньше язык распускали.

— Скажи еще, что я был с тобой излишне жесток и ты этого не переживешь,— хмыкнул король, усаживаясь за стол.

Кантор криво ухмыльнулся и отвернулся к плите.

— Переживу. Но если вы думаете, что мне стало легче от ваших нравоучений, то вы ошибаетесь.

— Легче тебе станет немного позже. Когда сам все осмыслишь. Но все же от мрачных предчувствий я тебя избавил?

— Как вы догадались?

— Что еще могло довести тебя до такого состояния?

— А, да что угодно. Сегодня вообще вечер какой-то дурацкий... Ни хрена не выходит, руки как грабли, две струны порвал...

— То, что я видел на твоём столе, это ноты?

— А вы думали — шифровки?

— Судя по каллиграфии, вернее, отсутствию оной, а также несметному количеству исправлений...

— Да, да, какой же вы зануда! Только не говорите никому! И так ни хрена не получается...

— Получится. Не паникуй и не дергайся. Всеу свое время. А будешь ныть и жаловаться — сделаю придворным бардом.

Кантор, молча и не оборачиваясь, показал его величеству два пальца.

— Статья третья, пункт «вэй»,— съязвил в ответ король и уже серьезно добавил: — Заканчивай с плитой, присаживайся, да поговорим о том, ради чего я, собственно, пришел.

— Так это было еще не все?

— Разумеется. Сейчас речь пойдет о вещах более серьезных, чем утешение депрессивных бардов, которое мне уже изрядно надоело за последние полгода. Скажи мне, Кантор, за вчерашний и сегодняшний день не попадали ли в поле твоего зрения люди, особенно женщины, которые искали бы знакомства с тобой?

— В субботу на вечеринке,— немедленно вспомнил Кантор, но его величество тут же перебил:

— Нет, после того. Та шикарная блондинка, которой ты пренебрег на упомянутой вечеринке, не в счет.

— Тогда нет.

— Значит, не наняли еще...— задумчиво пробормотал король.

— Кто кого не нанял?

— К твоему сведению, отвергнутая тобой блондинка — не кто иная, как Нита Галл, особа, широко известная в узких кругах. Наемница, специалист по приручению и дрессировке мужчин любого склада характера. В отличие от обычных соблазнительниц, которые пользуются только своей красотой и слабенькими дозволенными зельями, Нита обладает еще несколькими способностями. Прежде всего, ум, интуиция и знание психологии позволяют ей на основании короткой беседы создать полный психологический портрет собеседника. Но кроме того, у нее есть особое чутье. И не эмпатия и не телепатия, а просто такой вот дар — всегда знать, чего человек хочет. В сочетании с уже упомянутыми умом и красотой это страшная сила.

— То-то она удрала, как только я ее заподозрил...— проворчал Кантор, утешившись лишь единственным фактом — он вспомнил наконец, как эту красотку звали.

— Именно потому она и удрала. Увидела, что клиент не ведется на красоту, влюблен насмерть в другую женщину, убить для него — что высморкаться, да еще и заподозрил. Твоя способность привлекать к себе особ противоположного пола тоже не осталась незамечен-

ной. Словом, раскусила тебя Нита, потому и удрала. Поняла, что ваши сверхъестественные привлекательности друг дружку нейтрализуют, а хочешь ты прежде всего заманить ее в тихое и темное место, чтобы проверить свои подозрения.

Кантор нахмурился.

— А вы точно уверены, что она не телепатка?

— Ее проверяли. Точно. Тем не менее можешь взглянуть, что она поведала нам о людях, с которыми общалась всего два раза и только по делу.— На стол перед Кантором легли старательно исписанные листы признания.— И сделай выводы.

Госпожа Нита Галл сообщала, что была нанята по специальности незнакомыми ей господами. Поскольку взять клиента под контроль не удалось по объективным причинам, контракт был разорван по ее инициативе. От оплаты консультации заказчики отказались. Далее шло подробное описание жадных заказчиков и все, что наемница могла о них сказать. Количество информации повергло Кантора в недоумение.

— Она с ними точно не спала? — поинтересовался он, переворачивая страницу.

— Нет. Она с ними только общалась,— нажимая на каждое слово, ответил король.— Ты видишь уровень? Ты представляешь, сколько она могла им сказать о тебе, если бы они не пожлобились?

— Обо мне вы с нее тоже отчет взяли? — Кантор постарался, чтобы это прозвучало небрежно, но скрыть нервозность у него не получилось.— Заплатив то, что зажали заказчики?

— Неужели она сказала бы мне что-то новое? — усмехнулся Шеллар, и невозможно было определить, правду он говорит или лжет.— Я ей, конечно, заплатил, чтобы молчала, если вдруг заказчики одумаются. Но о тебе я знаю куда больше, чем она может сказать.

— Тогда что вы от меня хотите?

— Я всего лишь хочу, чтобы ты знал: за тобой кто-то охотится. Кому-то понадобилось взять тебя под контроль. Будь осторожен, пожалуйста. Мне кажется, история с твоей простреленной курткой не закончилась. Если вокруг тебя опять начнет кружить какая-нибудь роковая блондинка, познакомься, возьми адрес, договорись о встрече и обязательно дай знать мне или Флавиусу. Эти таинственные заказчики не оставят тебя в покое, с ними надо разобраться раз и навсегда. И если ты с кем-то пьешь, ни на секунду не оставляй свой сосуд без присмотра. Взгляни, что обнаружили в той кружке, из которой ты пил на вечеринке.

— Да я бы наутро околочился, если бы это выпил! — изумился Кантор, изучив список.

— Благодарю моего агента, что тебе не удалось этого выпить. И следи за посудой, когда пьешь не один. Насколько ты устойчив к любовной магии?

— Золотую паутину я вижу и, кажется, научился справляться. Некоторые ведовские приемы чувствую еще на стадии применения. Эгинские куколки вроде той, что подложили Александру, на меня действуют так же, как и на всех.

— Значит, регулярно проверяйся. Я дам тебе адрес одной надежной ведьмы, она работает на корону, ходи к ней раз в неделю. На предмет классической магии тоже каждую неделю проверяйся у мэтра Истрана. Как у тебя со всяческими зельями и эликсирами?

— Зелья, заговоренные ведьмами, действуют, но очень недолго. А то, что приготовлено на основе классической магии...— Кантор помедлил и неохотно признался: — У меня на них не то аллергия, не то какая-то магическая несовместимость. Чего только со мной не бывало после таких приворотов... Начиная с относительно безобидного поноса и заканчивая судорогами с нарушением дыхания. Чуть не уморила одна экзальтированная дура. Приворожить не приворожила, но уж славу и долгую память себе обеспечила.

— Верно, я об этом случае тоже слышал. Тогда тем более внимательно следи, что и с кем пьешь. В четверг будь готов присутствовать на небольшом официальном мероприятии при дворе Орландо Второго. Там будет да Коста, которого тебе предстоит опознать. Заодно увидишься с отцом, он хотел с тобой поговорить. Да, и еще я хотел тебя попросить... Познакомь Мафея с графом Гаэтано.

— Зачем? Плакса и его хочет припахать для вразумления поехавшего крышей графа?

— Насколько мне известно, твои усилия были не напрасны. Гаэтано все-таки притих. Вслух он от своего мнения не отказывался, но перестал возмущаться на каждом углу и относительно терпимо общается с Орландо.

— Орландо мне будет за это здорово должен! — проворчал Кантор. — У них с графом отношения наладились, а я теперь расхлебываю последствия.

— Если быть совсем точным, последствия расхлебываем мы с тобой вместе. Что же касается Мафея, у меня есть некоторая надежда, что при удачном стечении обстоятельств Гаэтано сможет оказать на него положительное влияние.

— Вот вы о чем... — понимающе кивнул мистралиец. — Все о том же. О мести и смысле жизни.

— Ты верно догадался. Я хочу, чтобы мальчишка вовремя понял то, что граф Гаэтано понял только над расчлененными телами братьев Сальваторе. Когда месть становится смыслом жизни, по свершении мести жизнь теряет смысл.

— Но откуда вы знаете?

— Он сам мне сказал. А ты откуда?

— Я там был. Я видел его глаза. Слышал его чувства.

— Жаль, что Мафей этого не может. Ему было бы легче понять. Ладно, не будем о грустном. Не забудь, в четверг.

— Пойдите,— спохватился Кантор.— Но ведь четверг — нечетный!

— Как-нибудь впишешься. По-твоему, Орlando из-за тебя должен переносить официальную встречу с гномами? К тому же по четным дням у тебя репетиции.

— Но по нечетным я дома занимаюсь... Проклятье, из-за этих приступов столько времени пропадает...

— На инспекцию дамских постелей у тебя времени хватает,— заметил король с такой уверенностью, будто лично держал свечку.— Я вижу, товарищ Кантор, ты окончательно превратился в мечтательного барда, не понимающего, что вокруг него происходит. Как тебя угораздило из всего букета девиц выбрать именно художницу?

— Случайно,— пожал плечами Кантор.— Она первой подвернулась. А что не так? Она славная девушка без каких-либо нездоровых стремлений. Мы прекрасно провели время и остались довольны друг другом...

— Ты ей позировал?

— Да. Девушка попросила, не отказывать же ей в такой мелочи...

— Кантор, ты болван.

— Почему?

— Потому что пару лун назад Диана делала копию с твоего портрета. Даже если бы она его только видела, все равно, рисуя тебя с натуры, заметила бы слишком явное сходство. Она художница, Кантор, они видят не так, как ты! Чтоб тебе было понятнее, они видят, как ты слышишь! Ты говоришь, что не хочешь открывать свое имя, но сам делаешь все, чтобы быть разоблаченным! Это идиотское кокетство или особо утонченная форма самообмана?

— Это... как это называла Жюстин?.. Прогрессирующая умственная деградация,— вздохнул Кантор.— Говоря проще, я в самом деле болван.

— Отрадно слышать,— усмехнулся Шеллар.— Был бы здесь мой придворный маг, порадовался бы за

тебя... по части нравственного совершенствования. Но раз порадоваться некому... Пойдем пить чай. Чайник как раз кипит, а мои кузены, наверное, уже заждались.

— Хороша идея,— без особого энтузиазма согласился мистралиец. Бросил еще один взгляд на отчет, который король аккуратно, листочек к листочку, складывал в папку, и неожиданно замер, словно его посетила некая особо ценная и пугливая мысль.— Ваше величество, не подскажете, где можно найти эту наблюдательную даму по имени Нита?

— Извини, Кантор, но ты что, действительно на нее запал? Или ты не в силах терпеть среди живых человека, так много знающего о твоих тайных помыслах?

— Хоть раз не угадали,— злорадно ухмыльнулся Кантор.— Я хочу ее нанять.

Весь рабочий день вторника пошел у Ольги наперекосяк. Несмотря на то что вчерашняя ссора закончилась полным примирением и взаимными покаяниями, неприятные мысли после нее все же остались. Кроме того, из-за визита его величества и последовавших затем разборок Ольга позабыла прочесть заданный наставником текст и соответствующий отрывок из истории драматургии. Маэстро был очень недоволен и почему-то безошибочно догадался о причине. Не желая в который раз заводить бесполезный спор, Ольга списала все на визит короля, но наставник, похоже, не поверил. Из-за своего предвзятого отношения к Артуру маэстро Карлос готов был возложить на него ответственность за что угодно, включая наводнение в южной Мистралии и ранние заморозки в восточном Галланте.

На практических занятиях Ольга тоже постоянно отвлекалась, все время возвращаясь мыслями к вчерашним неприятностям, пропустила половину из объяснений наставника и получила за это очередное наругание. Вероятно, завтра получит еще одно.

Что оказалось противнее всего, бестолковая голова решительно отказывалась сосредоточиться на учебе и с непонятным мазохизмом возвращалась к одному и тому же.

Ну почему, почему эти два придурка не могут мирно сосуществовать, как подобает цивилизованным людям? Почему оба за глаза обвиняют друг друга во лжи и всевозможных подлостях, а стоит им встретиться лично — немедленно ссорятся? Почему, например, Диего не может понять, что пренебрежительное отношение к сопернику и постоянное стремление унижить не делает ему чести? Почему Артуро так по-дурацки ревнует и обвиняет соперника во всех смертных грехах? И где в речах обоих мистралийцев правда, где ложь, а где превратно истолкованная правда? Ведь хрен проверишь, вот что хуже всего!

Как можно выяснить точно, что там произошло пятнадцать лет назад между Эль Драко и Артуро Сан-Барреда? С чего началась их смертельная вражда и кто был виноват изначально? Как можно проверить, снился ли Диего Ольгин «мертвый супруг» или, как утверждает Артуро, это коварная ложь и примитивное запугивание соперника?

Артуро называет Диего бездарностью, маэстро Карлос уверен в его несомненном таланте. Артуро утверждает, что соперник не знает, как держать инструмент, фальшивит и вообще не умеет играть, Гарри восхищается его абсолютным слухом и невероятными способностями. Кто прав? Как в этом разобраться Ольге, если у нее не то что медведь — мамонт по ушам потоптался?

Как в многословных речах Артуро определить границу между фактами и его фантазиями? Что из упомянутых им гнусных сплетен действительно злобные наветы врагов, а что — правда, в которую впечатлительному барду не хочется верить? И не стоит ли сказать проще и грубее — правда, которую он желает скрыть?

Как узнать, насколько искренен был Диего, обещая, что не станет досаждать Ольге, добиваясь ее расположения, и не тронет счастливого соперника? Как он «не тронул», все уже видели вчера. Можно ли ему верить после этого? Опять же почему Диего так упорно пытался пробиться именно в этот театр, если действительно намеревался оставить Ольгу в покое? И если он все же соврал, то что это? Обычное для мистралийца нежелание терять лицо, признавая свою слабость, или же тонкий коварный план, разработанный под руководством его величества?

А уж что касается его величества, тут и вовсе можно крышей поехать, разбираясь в его замыслах. Вот зачем он вчера пришел вместе с кузенами? Зачем расспрашивал Артуро, вытягивал на разговор, как бы мимоходом с дружеским участием сажал в лужу... Король же ничего не делает просто так, наверняка и этот визит преследовал какие-то цели. Если посмотреть на результат и предположить, что его величество своих целей всегда добивается, то... Получается, его целью было поссорить Артуро с Элмаром, подбросить Ольге сомнения в его правдивости, приоткрыв истинное лицо «безвинно оклеветанного папы», исключить вероятность законного брака хотя бы в ближайшее время... А также получить возможность покопаться в вещах Артуро и его прошлом. Стоит ли теперь сомневаться, чью сторону принял его величество? Возникает только вопрос — почему? Шеллар III всегда отличался редкой беспристрастностью, и предположение, будто он поддавался влиянию одной стороны, даже не выслушав другую, совершенно не вяжется с его принципами. Почему же тогда? В чем дело? Означает ли такое поведение короля, что он уже определил правую сторону в противостоянии двух мистралийцев? Или же он исходит из собственных субъективных представлений о том, кто из них больше подходит Ольге? Или он уже знает об Артуро достаточно, чтобы ему не доверять? Или в этот

раз он не смог быть беспристрастным, помня о том, что обязан Кантору жизнью, и не один раз? И ведь тоже не проверишь...

ГЛАВА 2

— Нет, это плохой портрет,— сказал Гунька.— Дай я его порву.

— Зачем же уничтожать художественное произведение? — ответил Незнайка.

Н. Носов

В свой первый рабочий день Кантор едва не опоздал. Так получилось, приступ отчего-то заставил себя ждать до позднего вечера, из-за чего Кантор полночи промаялся, утром проспал, а потом еще как назло ни одного извозчика по пути не попалось, бежал всю дорогу, как призовой рысак. В дверях он едва разминулся с давешним скромным парнишкой, который примчался в том же темпе, только с противоположной стороны. Тоже, видать, проспал, бедняга, только по другой причине. Эх, молодость... У него, наверное, не начинает ломить затылок после незапланированной пробежки...

Хотя позорного опоздания и удалось избежать, Кантор все же немного нервничал. Страх выдать себя неосторожным словом или привычным действием, которое Карлос мог бы узнать, преследовал его с самой первой встречи. А еще, чего там греха таить, он втайне опасался, что маэстро все-таки утратил с годами свое знаменитое упрямство и поддался на Ольгины уговоры. Мысли о том, что Артуро получит главную роль, что они будут вынуждены вместе работать и каждый день видаться, а в конце каждого спектакля этот паразит еще и побеждать будет, вызывали у Кантора такое отвращение, что он даже не рискнул спросить у короля, что же все-таки решили с этой ролью.

Проскользнув в зал буквально за пару секунд до прихода Карлоса, будущий орк поспешно занял первое попавшееся кресло и сделал вид, будто сидит здесь уже полчаса, а куртку не снял, потому что хочется ему так, а вовсе не потому, что некогда. Артуро среди собравшихся артистов не было, но это еще ни о чем не говорило. Ему тоже есть чем заняться ночью, и он тоже может проспать и опоздать...

— Приветствую.— Карлос быстрым взглядом окинул полукруг сдвинутых кресел, словно пастух, пересчитывающий вверенное стадо.— Я вижу, все в сборе, можно начинать.

Ольга бессловесной тенью следовала за наставником. С Кантором она даже не поздоровалась, но заинтересованный взгляд исподтишка скрыть не сумела. Ни враждебности, ни упрека Кантор не заметил, только попытку на глаз определить — как он там? Приятно видеть, что позавчерашняя позорная драка не уронила товарища в глазах любимой девушки. Но вот выглядит Ольга как-то уныло, и это уже неприятно. Неужели так из-за Артуро переживает?

— Начнем с главного героя.— Карлос по обыкновению устроился в кресле и немедленно закурил, не спрашивая разрешения у дам и, как в старые добрые времена, используя вместо пепельницы обертку от сигаретной коробки. Сколько его помнили, маэстро всегда так делал, даже если пепельница была под рукой.— Маэстро Тарьен, поделись-ка с нами своими соображениями касательно личности твоего персонажа...

Собрат-опоздавший мгновенно зарумянился, смущенный всеобщим вниманием, и понес обычную традиционную чушь, свойственную начинающим.

«Ничего себе! — поразился Кантор, вслушиваясь в его голос и пытаясь определить, как он будет звучать под музыку.— Вот это и есть ОН? Та самая подрастающая смена, что должна занять мое место? Этот тихий мальчик, который боится публики даже в количестве

десятка человек? Как его вообще занесло на сцену, его место — в тихой библиотеке, вдали от людей, чтоб не тревожили и не пугали...»

— Ты так думаешь?

От голоса режиссера Кантор невольно вздрогнул, уже готовый отказаться от собственных мыслей, так не вовремя подслушанных, но Карлос обращался все к тому же юноше.

— В твоём понимании герой получается прямо-таки сахарным пряничком, что вовсе не соответствует действительности. Юный мэтр Кэн, несомненно, человек добрый, но в разумных пределах. При кажущейся мягкости в нём есть прочный внутренний стержень. Такой пряничек попробуешь откусить — без зубов останешься, что, собственно, и произошло с оппонентом... — Карлос изящно повел в сторону Кантора дымящейся сигаретой. — Маэстро Диего, а ты как полагаешь, на чем сломал зубы твой персонаж?

Кантор замешкался с ответом. В прошлой постановке орка играл маэстро Санчес, пожилой толстенный дядька с частично пропитым, но все еще звучным баритоном. И выставлен был сей персонаж от природы злым существом, убежденным, что ему все вокруг должны, и не способным укротить врожденный темперамент. Наверняка маэстро Карлос видит его таким и сейчас, но если повторить его собственное мнение... что он подумает? Что новый актер особо тонко чувствует своего героя? Что он попросту видел предыдущую постановку и правильно понял режиссерский замысел? Или же маэстро лишь укрепит в подозрении, что товарищ Кантор эту трактовку уже слышал ранее, ибо присутствовал при ее произнесении?

К тому же собственное мнение на этот счет у Кантора тоже было и от режиссерского отличалось.

— Думаю, личные качества Кэна тут ни при чем, — наконец выдал он, решив, что проще выслушать поправки, чем навлечь на себя подозрение и по-

том жалеть.— Зарби погубило его же собственное большое самолюбие. В самом начале, в сцене турнира магов, дается четкая установка: Кэн сильнее как маг, успешнее как профессионал. Не потому же он победил, что парень хороший и людям нравится. А этот шаман-самоучка приперся из своих степей потягаться с образованными магами, увидел, что не тянет, и все равно отказался принять поражение. Как это так — он не лучше всех? Это случайно так получилось, это происки завистников, это люди просто орков не любят — какое угодно объяснение придумать, лишь бы не признать себя слабее. У него изначально не было шансов, но он все же полез доказывать свою крутизну. В какой-то момент, увлеченный своей идеей, перестал видеть границы — сначала обман, потом преступление... Ну и нарывался в конце концов. Переоценка своих возможностей никого до добра не доводила.

Кантор перевел дух и выжидающе уставился на Карлоса, готовясь смиренно выслушать режиссерские поправки и указания да покончить с этим делом. Маэстро не торопился, с неприкрытым интересом разглядывая Кантора, словно впервые увидел. Ольга же почему-то погрустнела, и бровки сползли домиком, словно что-то ужасно жалобное услышала.

— Любопытно...— произнес наконец Карлос, медленно повернул голову в сторону ученицы и поинтересовался: — А тебе как нравится такая трактовка?

— Не знаю...— Ольга тут же смутилась, замялась, запуталась в словах.— То есть я понимаю, почему так считает Диего, но как оно было на самом деле... Я... понимаете... я даже не знала, что тут вообще живут орки... Мне про них не говорили...

— Ну, работа маэстро Жака, как всегда, наличие...— усмехнулся наставник, видимо уже знакомый со стилем работы королевского шута.— Орки здесь не живут, хотя когда-то, говорят, жили. Но не только ты, а никто из живущих ныне людей никогда в глаза не ви-

дел живого орка, так что в данном случае мы имеем дело лишь с фантазией автора. Надеюсь, пьесу ты читала, или как вчера?..

— Нет-нет, пьесу я читала. Но я никогда не понимала злодеев, мне всегда казались надуманными их мотивы, вот и в этом случае у меня не получилось вообще никакого представления о Зарби и ему подобных. Как можно быть таким злым, как можно делать людям гадости только потому, что они в чем-то лучше тебя?..

— Пообщаешься поближе с бардами, поймешь,— вздохнул Карлос.— А Диего действительно прав, какими бы путями он ни дошел до этой мысли. У меня еще в те времена вызывало сомнения утверждение древних летописцев, что орки все поголовно от природы отличались злобным нравом, но тогда я уделил этому вопросу мало внимания. Между тем поступки Зарби вполне можно мотивировать обычными человеческими страстями, возможно, немного гипертрофированными в силу расовой принадлежности, но вполне объяснимыми. Зависть, ревность, самолюбие, помноженные на агрессивность,— вот вам и злодей. Однако вернемся к тому, с чего начали. Неужели дело только в том, что Кэн сильнее в магии? Диего, уж ты-то должен был правильно понять мой вопрос.

— Вы его так поставили,— сердито огрызнулся Кантор, задетый Ольгиным «я понимаю, почему так думает Диего».— Нет, конечно, дело не только в том, что Кэн сильнее. Он еще и не трус, вы это хотели сказать. Только вот в чем закавыка, Зарби тоже не трус. Он злой, вздорный, безнравственный, какой хотите, только не трус. А когда сходятся в драке два одинаково храбрых врага, побеждает все-таки тот, кто сильнее. О необычайном везении в нашей пьесе речь не идет, верно ведь?

— Отлично, но мало одной лишь отваги.

— Да, я понял...— смущенно подал голос главный герой.— Нужна твердость характера, правильно? Это я

упустил, говоря о своем персонаже... Но все равно он не может просто так убить, даже врага, даже такого злобного орка. Он оставляет противника в живых, хотя тот не просил пощады и не обещал исправиться. Кэн не хочет убивать, он слишком добр для этого.

— Да никто и не отрицает, что он добр, на то он и главный герой! Но это не переходит у него в сопли, а у тебя переходит! Давай посмотрим на наглядном примере. Второе действие, дуэт Кэна и Зарби. Диего, подпой ему реплики.

— Но я не распелся... — в ужасе подскочил с места бедный герой.

— Ничего, вокал пока не столь важен, тихонько, вполголоса. Главное, чтобы ты уловил чувства, интонацию.

Мальчишка расправил плечи, в который раз одернул слегка коротковатые рукава, и запел.

Великие боги, у этого заморыша действительно был голос! Поразительной чистоты классический баритон, мягкий и в то же время мужественный, он лился плавно, густо, как любимый коньяк его величества, он завораживал, заставляя забыть о земном, и, когда он звучал, невидимые для простых смертных языки Огня плясали вокруг нескладной фигуры певца, в точности как на картине маэстро Ферро...

Кантора подтолкнули под локоть, напоминая, что его очередь вступать.

«Идиот, хоть ты тут не разревись!» — задыхаясь между всхлипами, прорыдал внутренний голос. Кантор сморгнул, отгоняя закипающие слезы, привычно послал провокатора куда обычно и хрипло, невпопад начал свой куплет.

С облегчением покинув театр по окончании рабочего дня, Ольга вдруг почувствовала категорическое нежелание идти домой. Вот непонятно почему. Вроде и помирились, и все в порядке, и Артуро пообещал боль-

ше не заикаться о прислуге, а почему-то не хочется домой, и все тут.

Пока Ольга размышляла, к кому можно сходить в гости, на горизонте возникла финансовый гений Янь Зинь, одним своим появлением сразу решив все проблемы. Ольга вспомнила, что пару дней назад они все-таки поспорили, запрягла ли Диана бедного мистралийца в нелегкое ярмо бесплатного натурщика или же ему удалось отвертеться. Как оно было на самом деле, спорщики до сих пор не узнали, так что вырисовывался достойный повод навестить художницу и выяснить, кто нынче платит за дюжину пирожных.

Зинь сразу же начала подкалывать Ольгу, уверяя, что спор — только повод, а истинные причины она от всех скрывает. На самом деле она жаждет проверить, как там поживает ее покинутый мистралиец, в хорошие ли руки попал, не обижает ли его новая хозяйка, не морит ли голодом и не стоит ли забрать бедняжку обратно...

Ольга немедленно представила себе объявление «Отдам в хорошие руки симпатичного мистралийца» — и ей пришлось делиться с подружкой причинами внезапного хохота.

— Все-таки, я думаю, Диана его обижает, — сделала вывод Зинь, вдоволь насмеявшись. — Надо поискать ему другие хорошие руки.

— Если она отдаст — забирай, — согласилась Ольга.

— А он пойдет?

— Попробуй приманивать колбасой.

— А просто на свист?

— Если только на художественный... Ага, теперь и я знаю твою истинную причину! Ты хочешь выведать, как сманить у Дианы честно добытого кавалера! Вот она, женская дружба!..

— А ты все-таки хочешь забрать его назад и больше никому не отдавать! — не осталась в долгу Зинь. — Ну вот признайся хоть сама себе, он же тебе до сих пор ну-

жен. Ты до сих пор не вернулась к нему только потому, что тебе Артуро жалко!

— Неправда! Это Диего мне жалко, только поэтому я с ним и общаюсь. А возвращаться к нему не хочу и не собиралась!

Шуточки шуточками, но еще одна причина, по которой Ольге потребовалась Диана, действительно существовала. Причина эта не имела ничего общего с нахальными гипотезами Зинь, а представляла собой коварный тайный замысел, которым Ольга не намеревалась ни с кем делиться.

Трудно сказать, когда точно возникли у нее первые сомнения касательно личности дона Диего, но к настоящему моменту количество подозрительных совпадений давно достигло критической величины. Даже то, как он сегодня смотрел на Тарьена, можно было отнести в пользу Ольгиной версии. С чего бы это непробиваемый товарищ Кантор вдруг так растрогался, услышав просто хорошее исполнение, и ничего более? Не подтверждает ли такая странная реакция некоторые догадки, которые вполне могут оказаться реальными фактами?

Спросить ненаглядного напрямик Ольга не решалась. Главным образом потому, что не желала в очередной раз осрамиться. Даже если она права, где гарантия, что он пожелает признаться? Что ему помешает соврать в очередной раз?

Обращаться с подобными вопросами к его величеству равно бессмысленно, так как в любом случае ответ будет отрицательным. Если ее догадки верны, то уж король-то наверняка должен был догадаться о том же самом на полгода раньше. И если он до сих пор молчал, то будет молчать и дальше. Может, он опять кому-то слово дал или тайна дона Диего уже задействована в какой-то труднодостижимой королевской интриге.

Словом, свои гениальные догадки Ольге предстояло проверять самостоятельно, и у нее даже была одна ве-

сьма неплохая идея. Натолкнула ее на эту мысль недавняя история с покраской несчастного негра. До того Ольга не подозревала о существовании редкой волшебной краски, которую можно наносить на кожу без вреда для здоровья и которая не смывается ничем, кроме специального волшебного же растворителя. Когда она об этом услышала, последняя нестыковка в совмещении двух мистральских физиономий мигом испарилась. Вот оно в чем дело! Вот куда девал маэстро свою компрометирующую татуировку! В лицо его никто не узнает после пластической операции, в этом он сам признался. Голос у него изменился. Повадки, наверное, тоже изменились после смены класса. А особую примету свою он закрасил. И если как-нибудь подловить лживого конспиратора в раздетом виде да мазнуть растворителем по оголенному плечу, тут-то правда и всплывет!

Растворителя Ольга еще позавчера отлила у Терезы. У них с Жаком еще много осталось после того, как они себя отмыли. Теперь оставалась одна проблема: как изловить и раздеть Диего? Будь сейчас лето, было бы проще, но на дворе середина Багровой луны. Сырость и холодные ветры ортанской осени не располагают к расхаживанию голышом даже в помещении. Вариант затащить бывшего любовника в постель, разыграв примирение, Ольга отбросила сразу и бесповоротно. Во-первых, такое подлое коварство ей было противно, а во-вторых, она втайне опасалась, что после этого примирение все-таки состоится. Скрепя сердце она остановилась на другом варианте — подловить Диего во время очередного приступа, отвезти опять домой, уложить в постель, и когда он уснет...

Этот вариант Ольге тоже не особо нравился. Пользоваться беспомощным состоянием человека в своих целях неэтично как-то. Если это все-таки окажется он, придется потом объясняться, и ой как будет стыдно...

Тут-то и подвернулась Зинь со своим пари. Ведь действительно Диана всегда безжалостно эксплуатировала любовников в качестве живой натуры, потому что на профессиональных натурщиков у нее никогда не было денег. Скорее всего, именно по этой причине мужчины у нее надолго не задерживались и быстро сбегали. Единственным известным Ольге исключением был Жак, но как ему удалось отвертеться, до сих пор оставалось неизвестным. Если Зинь права и Диана действительно припахала мистральйца во славу искусства, то, похоже, из такого расклада можно извлечь нехилую компенсацию за проспоренные пирожные. Во-первых, подробно расспросить художницу, насколько и чем именно похож Диего на исторический портрет. А во-вторых, что еще важнее, появляется реальная возможность застукать товарища в нужном виде. Аккуратненько узнать у Дианы, когда и в какое время благородный кабалеро будет торчать неглиже в ее мастерской, и как бы случайно зайти в гости. Блестяще!

Пирожные Ольга все-таки проспорила. То ли переоценила упрямство мистральйца, то ли недооценила его великодушие — в зависимости от причины, по которой он позволил себя эксплуатировать.

На мольберте в мастерской высушал очередной шедевр, на котором угадывалась очень знакомая спина. Даже если допустить, что фантазия живописца сделала эту спину более сутулой, чем на самом деле, все равно можно было легко опознать по шрамам. Чуть ниже человеческой фигуры, под еще непрописанными ногами, виднелись набросанные контуры валяющихся крыльев.

— Падший ангел? — ляпнула Ольга первую же банальность, пришедшую ей в голову.

— Демон в сезон линьки, — ухмыльнулась Зинь.

— Сейчас ты у меня сама полиняешь, — грустно и совсем не страшно пригрозила Диана, занятая отмыванием кистей. — Что такое падший ангел?

Ольга попыталась объяснить и быстро обнаружила, что плавает в вопросе.

— Да ладно, ну его,— сдалась она через пару минут и перевела разговор на другую тему: — Все равно здорово. Купить ее у тебя, что ли?..

— И повесить дома,— прыснула вредная Зинь.— Чтобы Артуро валялся в истерике каждый раз, как на нее посмотрит.

— Да он не узнает, со спины-то!

— Ее уже покупают,— так же печально сообщила художница.

— Кто? — поинтересовалась Ольга, и тут ее вдруг осенило.— Дай-ка я угадаю,— оживилась она, радуясь возможности хоть раз в жизни построить из себя Шеллара III.— Сам Диего пожелал купить и категорически запретил не только продавать, но даже показывать кому-то еще.

Диана тоже оживилась.

— Верно... то есть почти верно. Показывать он не запрещал. А вот другое полотно действительно запретил даже показывать.

— На том полотне он не со спины и видно лицо? — продолжала упражняться в догадливости обрадованная Ольга.— Ну мне-то покажешь? Мне-то можно, я его и так во всех возможных позах и ракурсах видела.

— Пойдем,— чуть поколебавшись, согласилась Диана.— А Зинь пока займется чаем.

— Ну вот! Как кому — так искусство, а как кому — так стряпня! Я, может, тоже хочу в позах и ракурсах!

— Не переживай.— Ответ Дианы был пропитан горьким ядом.— В ближайшую пару дней он от меня сбежит, так что можешь сесть у норки и караулить. Будут тебе и позы, и ракурсы.

Искомый набросок, заныканный в самом дальнем углу за двумя рядами обтянутых холстом подрамни-

ков, был раза в четыре меньше предыдущего и изображал только голову. Голова эта была чуть откинута назад, в широко раскрытых глазах застыла боль, плотно сжатые губы едва сдерживали рвущийся наружу стон. Ощущение боли было почти физическим, и Ольга невольно вспомнила известную легенду о несчастном натурщике Микеланджело, безвинной жертве искусства.

— Совести у тебя нету! — не удержалась она, передегивая плечами, чтобы избавиться от жутких мурашек по спине.— Во время приступа рисовала? Небось еще сидела рядом и требовала открыть глаза пошире? Как он от тебя в тот же день не сбежал!

— Сама удивляюсь, — вздохнула Диана.— Я так и думала, что он в тот же день сбежит, потому и торопилась набросать все, что можно. Ты посмотри, как здорово получилось, как точно мне удалось поймать боль... Честно говоря, жалко теперь ему продавать. Он же никому не покажет, а то и уничтожит, чтобы никто не видел. А я такого больше не напишу. Где я еще возьму больного натурщика?

— Так не продавай,— пожалала плечами Ольга.— Не зарежет же он тебя. Подрисуй эльфийские уши и сделай из этого наброска какую-нибудь «Смерть великомученика Феандилля».

— Терпеть не могу нравоучительные картинки на религиозные темы!

— Так сделай светский вариант! Пририсуй рядом горюющих соратников, и будет не религиозный сюжет, а сцена из геройских суровых будней.

— Где? Тут же вот голова в центре композиции, и вокруг нее места нет! Да и не похож он на эльфа. Глаза-то человеческие, а трогать их нельзя, все испортишь.

— А на кого похож?

Диана вдруг замолчала, задумчиво прикусив черенок кисточки.

— Есть у меня на примете один сюжет. И он действительно очень похож. Но, боюсь, если я выставлю это

сходство на публичное обозрение, он меня все-таки убьет.

— Ты о том портрете, копию которого я тебе заказывала пару лун назад?

— А, ты тоже заметила?

— Сходство замечают многие. А вот ты, как художник, можешь сказать: насколько оно велико?

— Почти идентично, — так же задумчиво отозвалась Диана, продолжая грызть несчастную кисточку. — Те черты, где есть сходство, одинаковы, как у близнецов Бандерасов. Даже с учетом разницы в возрасте. Если бы Эль Драко менялся с возрастом, он бы примерно так и менялся. Я бы сказала, что они тоже родные братья, хотя и не близнецы. Носы и рты разные, а глаза, брови, скулы, строение черепа — одинаковые.

Ольгины умозаключения немедленно подверглись самокритичному сомнению. А что, если они действительно братья? Если Диего вовсе не «мертвый супруг», а его сводный брат, никому не известный бастард любовобильного придворного мага? Потому и знает о братце больше положенного, и Артуро у них общий враг, и картину не велел показывать... Но все равно проверить надо! Оба варианта возможны! Вот король, например, обязательно бы проверил.

— А ты ее пока спрячь и не доделывай, — посоветовала Ольга. — И не отдавай ему, ссылаясь на то, что не готово. А со временем либо шах помрет, либо ишак.

— Какой ишак? — недоуменно переспросила художница, и пришлось объяснять ей суть старой восточной притчи. — Попробую, — вздохнула Диана, выслушав, и вернула неоконченный шедевр за подрамники. — Все-таки жаль, что он сбежит так быстро. И недели не прошло.

— А он уже высказал намерения? — поинтересовалась Ольга со слабой надеждой, что еще хоть один сеанс успеет застать.